

М Литературная СТРАНИЦА

29 января
исполняется 125 лет
со дня рождения
Антон Павловича
Чехова

Приезжайте в Мелихово!

Он был гостеприимен, как магнат. Хлебосольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбыл из многолетней нужды, ему приходится таким тяжелым трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху до низу, набивает гостями, и

кормит их, и развлекает, и лечит!
А когда он поселился в подмосковной усадьбе «Мелихово», его дом стал похож на гостиницу. «Спали на диванах по несколько человек во всех комнатах, — вспоминает его брат Михаил, — ночевали даже в сенях. Писатели, девицы — почитательницы таланта, земские деятели, местные врачи, какие-то дальние родственники с сынишками.
Но ему было и этого мало.
Засывая к себе друзей

и знакомых, он самими горячими красками, как бы пародируя рекламу курорта, расписывал те наслаждения, которые их ожидают.
«Место здоровое, веселое, сытое, многолюдное...», «Теплее и красивее Крыма в сто раз...», «Коляска покойная, лошади очень сносные, дорога дивная, люди прекрасные во всех отношениях». Приглашал он к себе очень настойчиво, не допуская и мысли, что приглашаемый может не приехать к нему...

И как весело было ему с людьми! С теми, кого он любил. А полюбить было ему нетрудно, так как, хотя он был человек беспощадно насмешливый и каждого, казалось бы, видел насквозь, он при первом знакомстве с людьми почти всегда относился к ним с полной доверчивостью. И так неистощима была его душевная щедрость, что многих людей он был готов надевать богатствами своей собственной личности...
Корней
ЧУКОВСКИЙ.

Рисунок Э. ЯРОВА. Фото В. НИКИТИНА.

«Я ВАМ ПРЕДСКАЗЫВАЮ БОЛЬШУЮ, БОЛЬШУЮ БУДУЩНОСТЬ...»

МОЛОДОЙ Чехов шел одиннадцатого декабря 1887 года к Плещееву, страшно волнуясь, он как бы предчувствовал, что, переступив скромный плещеевский порог на Спасской улице, найдет старшего друга и наставника. Шаг этот действительно оказался символическим.
Шесть часов продолжалась их первая встреча и беседа, и Чехов уходил от старого поэта с фотографией и книгой его стихотворений, на которой была сделана трогательная надпись «Фуходим с присутствием оставил Суфлеры», «Будильники», лейкинские «Осколки», издатели которых «денегу наживаются». Плещеев об этом говорил настоятельно...

им. Ленина). Поэт настаивал на необходимости закончить начатое: «Вашего романа я буду ждать, как манны небесной... ибо считаю Вас в настоящее время самой большой художественной силой в русской литературе».
Он напоминает Чехову о таланте Ваш большие надежды и нетерпеливо ждущих от Вас романа... Хорошо зная содержание произведения, а также и то, что в нем, по словам Чехова, «материал для красного карандаша богатый». В марте, апреле и мае

Новые знакомые расстались друзьями. Через несколько дней Чехов вернулся в Москву, и вскоре обратился к Плещееву с первым письмом. Переписка, завязавшаяся сразу же, не прекращалась до конца жизни поэта.
Чехов начал писать первую «серьезную» повесть, его одолевали сомнения. «Робею и боюсь, что моя «Степь» выйдет незначительной», — делится он своими раздумьями с поэтом.
Наконец, рукопись была отослана, и Чехов просит его быть «крестным батькой». Прочитав, Плещеев поспешил обрадовать Антона Павловича, ибо нашел в ней «бездну поэзии»: «Это вещь захватывающая и я предсказываю Вам большую, большую будущность», — писал он молодому автору.

Плещеев рад сообщить Чехову о глубоком впечатлении, произведенном на всех рассказом «Гусев», особенно «удивительной» фигурой «протестанта», не приемлющего равнодушия интеллигенции к народным бедам и страданиям.
Рассказ «Припадок» был написан Чеховым по просьбе поэта, очень любившего высокоинтеллектуальное дарование Гаршина, как и его «нежную глубоко гуманную натуру». Зная, что мотив рассказа, где будет воплощен человек «гаршинской закваски», явится «новым», Плещеев и Чехов опасались, пропустит ли цензура «важное» в нем. Поэт вынужден был советовать Чехову: «...пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но острее». На что писатель отвечал: «Описываю Соболев переулочек... но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений».

1889 года Чехов работал над романом наиболее интенсивно, и Плещеев спрашивает: «Продолжаете ли роман? Не забрасываете вы его...». И в другом письме: «Как я рад, что вы роман продолжаете — вы себе вообразить не можете».

торжном острове, о тогдашней Сибири. С нетерпением ожидал поэт встречи с Чеховым после его трудного путешествия, подчёркивая, что мечтает прочитать книгу о Сахалине. К сожалению, поэт не дождал до ее выхода из печати.

Рассказ «Припадок» был написан Чеховым по просьбе поэта, очень любившего высокоинтеллектуальное дарование Гаршина, как и его «нежную глубоко гуманную натуру». Зная, что мотив рассказа, где будет воплощен человек «гаршинской закваски», явится «новым», Плещеев и Чехов опасались, пропустит ли цензура «важное» в нем. Поэт вынужден был советовать Чехову: «...пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но острее». На что писатель отвечал: «Описываю Соболев переулочек... но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений».

Как крупный театральный деятель, сделавший немало для становления реализма на русской сцене, Плещеев помогал Чехову приобрести к театру, одобрил его «маленькие комедийки» — «Калхас» и «Медведь», которые он, как член Театрально-литературного комитета, помог провести через театральную цензуру, радуется поэт успеху «Предложения».

Антон Павлович проектирует совместную с Плещеевым и Короленко поездку по Волге, заранее предвкушая прелести волжской природы. Мечтает Чехов поехать с Плещеевым и по Украине, по донецким степям. Он берет слово с него приехать к нему на Луку, расположенную в «гоголевских местах», где можно видеть в натуре кунинжевскую ночь на Днепре. И не смотря на отдаленность Луки, Плещеев едет туда в июне 1888 г., шумно и весело было тогда под Сумами на Полтавщине, где сейчас открыт музей Чехова. Литературные вечера, волнующие рассказы о прошлом, о замечательных деятелях, с которыми Плещеев был близок — Чернышевском, Добролюбом, Михайлове, Некрасове, — сделали, как говорил Чехов, проведенные вместе три недели одной из «лучших и интереснейших страничек его биографии».

ЧЕХОВ мечтал посвятить Плещееву самое лучшее из своих созданий: «Я Вам еще ничего не посвящал в печати, но в мечтах и планах моих Вам посвящена моя самая лучшая вещь», — писал Чехов Плещееву, имея в виду роман «Рассказы из жизни моих друзей», в основу которого, по словам Антона Павловича, была положена «жизнь хороших людей, их лица, слова, мысли и надежды».

Большое внимание уделяет Плещеев двум крупным пьесам Чехова «Иванову» и «Лешему». Вместе с тем Плещеева не удовлетворила недостаточная четкость психологической мотивированности поступков и действий героев. Характерно, что когда позднее Чехов на основе «Лешего» написал новую пьесу, то назвал он ее «Дядя Ваня», признав справедливым замечание Плещеева, считавшего, что «Леший»... не есть центральное лицо пьесы».

Плещеев доказывал, что Чехов — самый большой талант из всех современных, т. е. молодых писателей. «Если б Чехов даже ничего, кроме маленьких рассказов, не написал, — разве объем что-нибудь значит в художественном произведении?». Даже в этом случае, — по словам Плещеева, — его творчество имело бы немалое значение для русской литературы.

Роман остался неосуществленным, но первые написанные и оставшиеся нам неизвестными главы Чехов послал Плещееву, и они получили его высокую оценку: «Мне жаль, что он не продолжает романа, первые три главы которого я читал. Они мне очень понравились». (Неопубликованное письмо к В. Г. Короленко от 24 августа 1889 г., Рукописный отдел Гос. б-ки

С НЕТЕРПЕНИЕМ ожидал Плещеев возвращения Чехова с Сахалина: «...рассказов о вашем путешествии все мы, знающие вас, ждем как манны небесной...», «Спасибо вам за два коротенькие письма с дороги... Пишете ли что-нибудь...» — спрашивал он в своем письме. Чехов держит своего старшего друга в курсе своих дел и просит не забывать его «почтителя и искреннего добро-

Плещеев доказывал, что Чехов — самый большой талант из всех современных, т. е. молодых писателей. «Если б Чехов даже ничего, кроме маленьких рассказов, не написал, — разве объем что-нибудь значит в художественном произведении?». Даже в этом случае, — по словам Плещеева, — его творчество имело бы немалое значение для русской литературы.
А. ПУСТИЛЬНИК.

В Таганроге, на родине Чехова

...В маленьком уютном классе — тишина. Мел у доски. Застыли на полочке непривычные современному взгляду физические приборы, выполненные из меди. Кажется, сейчас отворится дверь, выйдет мальчик Антон Чехов и сядет за свою парту — в последнем ряду, у окна. Вот так, как и много лет назад, выглядывает класс в таганрогской гимназии, где разместились теперь литературный музей. Сейчас здесь кипит работа — к 125-летию со дня рождения великого земляка готовится большая литературно-художественная выставка.

— На ней впервые будут выставлены все 680 экземпляров книг с автографами известных писателей, подаренных Антоном Павловичем родному городу, — рассказывает заместитель директора музея по научной работе Е. Иващенко. «Талантливейшему Антону Павловичу Чехову от искренно расположенного к нему автора», — написал в 1891 году В. И. Немирович-Данченко на книге «На литературных хлебах». Впервые представлены и хранящиеся в частных коллекциях, найденные в архивах фотографии родственников Антона Павловича.

В. БОНДАРЕНКО,
корр. ТАСС.

ВО ВСЕХ ЖАНРАХ

(МОЛОДОЙ ЧЕХОВ В ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ 1880-х ГОДОВ)

ЧЕХОВ начал печататься еще студентом первого курса университета — в еженедельных юмористических и иллюстрированных журналах — «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Москва».

Тематика их была тесно связана с повседневным бытом, с бытовыми сражениями и сами журналы. Редакция — это обычно маленькое помещенье, где тут же находится и редактор, который вполне может быть в халате и в домашних туфлях; какают родственники бренчат на расстроенном рояле, здесь же и сотрудники, авторы вычитывают корректуру и пьют чай, курят, за одним из столов принимается подписка, сортировщик из почтамта подбирает адреса подписчиков по трактам и адресам.
Зайдя в редакцию «Таганрогского вестника» в 1893 г., Чехов сказал: «У нас в «Будильнике» также было тесно». Такова же была и редакция «Мирского толка» на Бригадирской, «Москвы» в доме Зверева на углу Знаменки и Арбатской площади, «Новостей дня» на Тверской, вблизи Газетного переулка, таков был «редакционный чердачок» «Зрителя» на Страстном бульваре.
Нравы «малой» прессы были основаны на исконном российском патриархальном принципе «хозяин-работник», и дело было не столько в том, что редактор чувствовал себя хозяином, а сотрудник — поденщиком, зависевшим от его воли и настроения. «Могли заплатить тут же, вынудив деньги из конторки, не утруждая кассира (коли таковой имелся); издатель «Московского листка» Пастухов, например, любил рассчитывать со своими сотрудниками в трактире, за парой чая; говорил им «ты» и, если был в духе, мог сорвать сотрудника и пойти с ним париться в баню. Но он же вдруг решал задержать гонорар без видимых причин и на неопределенное время только потому, что за ним не пришел сам автор.
Часто речь шла буквально о рублях. «Бывало, я хаживал в «Будильник» за

трехрублевкой раз по десяти», — вспоминал Чехов.

Издательница «Будильника» А. Н. Уткина заплатила брату писателя, художнику Н. П. Чехову, за иллюстрации в журнале мебелью (стол и канделябры можно сейчас видеть в чеховском музее в Москве, а стенные часы — в Доме-музее в Ялте).

Литературная школа, пройденная Чеховым в этих журналах в молодости, казалась, никак не могла сформировать оригинального художника.

Главными жанрами юмористической прессы были так называемые «мелочи», писавшиеся по давно утвердившимся канонам, устоявшимся шаблонам.
Чехов работал почти во всех этих жанрах.
Одним из самых распространенных был жанр комического календаря и разнообразных «пророчеств». Таковы «Брюсов календарь» и «частные и общие» предсказания «Стрекозы», «Новый астрономический календарь», журнал «Развлечение», предсказания «Осколков» и другие. И Чехов вел подобный юмористический календарь в марте-апреле 1881 г. в журнале «Будильник».

Популярны были различные афоризмы. И среди чеховских «мелочей» этих лет часты всевозможные изречения, «мысли» людей разных профессий, исторических и псевдоисторических лиц («Мои остроты и изречения», «Философские определения жизни», «Плоды других размышлений»).
Чехов сам отчетливо осознавал традиционность малых форм. «Просматривая сейчас последний номер «Осколков», — писал он редактору этого журнала Н. А. Лейкину в 1883 г., — и к великому ужасу (можете себе представить этот ужас!) увидел там перепутанные объяснения. Такие же объяснения я неделю тому назад изготовил для «Осколков» — в этом весь скандал...».

«И ни одному из них не приходит в голову», — писал Чехов в рассказе 1886 г. «Талант», — что время идет, жизнь со дня на день близится к закату, хлеба чужого съедено много, а еще ничего не сделано; что все трое — жертва того неумолимого закона, по которому из сотни начинающих и подающих надежды только двое, трое выскакивают в люди, все же остальные попадают в тираж, погибают, сыграв роль жала для пушек...».

Чехову на всю жизнь запали в память слова Скабичевского, и он не раз вспоминал их в беседах с разными людьми. Так обидели и так запомнились они, может, именно потому, что задолго до рецензии Скабичевского он остро ощущал дистанцию меж собою и литераторами «малой» прессы. Еще в 1883 г. он говорил: «Я газетчик, потому что много пишу, но это временно. Оным не умру».

В известном письме 1886 г. к брату Николаю Чехов напишет: «Сказываются плот мясницкая, выросшая на розгах, у рейнского погребца, на подкачках. Победить ее трудно, ужасно трудно». Тон слишком личный, отзывчивый собственным опытом — трудным и долгим. Возникает знакомая тема — самовоспитания, медленного, «по каллам». И сразу же вторая — его путей: «Тут нужны беспрерывный дневной и ноч-

ной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дороже каждый час». Мысли Чехова на эту, вторую, тему отливались всегда в образы очень жесткие; излюбленным словом было «дрессировка». Снисхождение в этом он не допускал к себе.

РАННЕЕ внутреннее противостояние путам «малой» прессы позволило Чехову взглянуть на нее свободно и непредвзято. «Требование, чтобы талантливые люди работали только в толстых журналах», — говорил он, — жельно попахивает чиновником и вредно, как все предрассудки. Этот предрассудок глуп и смешон. Когда я пишу большую-большую вещь, пошлю в толстый журнал, а маленькие мою печатать там, куда занесет ветер и моя свобода».

Эта свобода позволила увидеть, что в юмористических журналах и беллетристических отделах газет в жанре рассказа в плане собственно литературном — в фабуле, приемах композиции, стили — была несвязанность никакими художественными канонами. Никое из этих изданий не принадлежало какой-либо одной авторитетной школе, манере. «Малая» пресса была разностильная. Каждый автор мог писать в любой манере, изобретать новое, реформировать старое. Можно было экспериментировать, пробовать любые формы. Чехов почувствовал это очень рано. Беспрепятно обращался он все к новым манерам, повествовательным маскам, ситуациям из все новых и новых сфер жизни.

Просмотрев его рассказы первых пяти лет, трудно назвать тот социальный строй, профессию, род занятий, которые не были бы представлены среди его героев. Крестьяне и помещики, приказчики и купцы, псаломщики и священники, полицейские, надзиратели и бродяги, следователи и воры, гимназисты и учителя, фельдшера и врачи, чиновники — от титулярного до тайного, солдаты и генералы, кекотки и княгини, репортеры и писатели, дирижеры и певцы, актеры, суфлеры, антрепренеры, художники, кассиры, банкиры, адвокаты, охотники, кабатчики, дворники... Родился писатель, у которого не было какой-то одной, определенной сферы изображения, очерченной четкими границами, писатель универсального социального стилистического диапазона.

А. ЧУДАКОВ.